

24.81092)
C-81

С Д

БОРИС СТОЛЯРЖ

Знаете,
каким он парнем
был...

ГРАЖДАНИН ПЛАНЕТЫ ЗЕМЛЯ

«12 апреля 1961 года в Советском Союзе выведен на орбиту вокруг Земли первый в мире космический корабль-спутник «Восток» с человеком на борту.

Пилотом-космонавтом космического корабля-спутника «Восток» является гражданин Союза Советских Социалистических Республик летчик майор Гагарин Юрий Алексеевич.

Эти слова из сообщения ТАСС навсегда останутся в истории человечества как одна из самых знаменательных, самых ярких и памятных ее страниц. Пройдут годы, десятилетия, наступит новый, XXI век, быть может, полеты в космос и даже на другие планеты станут обычным, будничным делом, таким же, как сегодня путешествие на воздушном лайнере из Москвы в Хабаровск, но все равно то, что совершил этот человек из русского городка Гжатска, навсегда останется в сознании многих поколений одним из самых великих подвигов, которые когда-либо совершали люди.

Еще и еще раз мысленно возвращаюсь в тот незабываемый апрельский день. Пламя от ракеты, поднявшей его в веками недоступную высь, осветило всем нам, живущим на планете Земля, начало пилотируемых космических полетов.

12 апреля 1961 года. 10 часов 31 минута по московскому времени. Весь мир слушает советское радио, слушает нашу столицу, ее торжественно-взволнованный голос: открыто окно во вселенную, сделан первый шаг за границу земного притяжения. И выпало это на долю паренька из России, из нашего, первого в мире государства рабочих и крестьян.

Когда шестьдесят с лишним лет назад английский писатель Герберт Уэллс приехал в Россию, чтобы своими глазами увидеть плоды только что свершенной Великой Октябрьской революции, наша страна показалась ему лежащей во мгле. У знаменитого фантаста не хватило воображения увидеть контуры грядущего, о которых рассказал ему Владимир Ильич Ленин, и он назвал тогда нашего вождя «кремлевским мечтателем». Примерно в то же время Владимир Ильич писал:

«Посмотрите на карту РСФСР. К северу от Вологды, к юго-востоку от Ростова-на-Дону и Саратова, к югу от Оренбурга и от Омска, к северу от Томска идут необъятнейшие пространства, на которых уместились бы десятки громадных культурных государств. И на всех этих пространствах царит патриархальщина, полудикость и самая настоящая дикость. А в крестьянских захолустьях всей остальной

России?.. Разве не преобладает везде в этих местах тоже патриархальщина, обломовщина, полудикость?»

Но, нарисовав столь объективную картину тех лет, Владимир Ильич сделал совершенно иной вывод, нежели Герберт Уэллс. Политик-реалист сквозь мглу, окутавшую страну, видел то, что оказалось неподвластным воображению писателя-фантаста. Поистине пророческими словами закончил В. И. Ленин свои размышления над картой России:

«Мыслимо ли осуществление непосредственного перехода от этого, преобладающего в России, состояния к социализму? Да, мыслимо...»

История блестяще подтвердила справедливость этих слов. Партия, созданная Лениным, привела советский народ сначала к построению социализма, а затем к созданию общества развитого социализма. Несмотря на то, что наше мирное строительство неоднократно прерывалось — гражданской войной, иностранной интервенцией, Великой Отечественной войной.

Ровно через сорок лет после того, как великий Ленин написал приведенные выше слова, наша страна послала своего сына в космос. И этот гордый итог всего лишь четырех десятилетий развития нашего государства ярко свидетельствует о величайших возможностях социализма, предсказанных Владимиром Ильичем Лениным на заре Советской власти.

Наряду с развитием экономики, науки, огромны достижения Страны Советов и в сфере социальной жизни, в сфере формирования нового человека — пламенного патриота, вдохновенного строителя коммунизма. Лучшие черты его сфокусированы в моральном и физическом облике Юрия Гагарина.

Его судьба, его биография характерны, типичны для миллионов советских людей. Работая над этой книгой, я не раз побывал в Доме-музее Гагарина в Звездном, в гостях у его жены Валентины Ивановны Гагариной, у его матери Анны Тимофеевны... Драгоценные документы, сохраненные для потомков, позволяют с предельной достоверностью восстановить пройденный им путь, сделавший простого смоленского парня героем эпохи.

Фотографии... Фотографии... Фотографии... Вот он, мальчишка в коротких штанишках, что есть духу бежит к речке. Вот кто-то из старших повязывает ему пионерский галстук, и глаза Юры сверкают неподдельным счастьем. Фотография матери и отца. Смотришь на нее, и невольно вспоминается предельно точная, скромная и в то же время прекрасная своею уважительностью, сердечностью характеристика, которую дал Юрий своим родителям.

«В нашей семье, — писал он, — авторитет отца был непререкаем. Строгий, но справедливый, он преподавал нам, детям, первые уроки дисциплины, уважения к старшим, любовь к труду. Никогда не применял ни угроз, ни брани, ни шлепков, никогда не задабривал и не ласкал без причины... Соседи любили и уважали его; в правлении колхоза всегда считались с его мнением. Вся жизнь отца была связана с колхозом. Колхоз был для него родным домом.

В колхозе, на ферме, с рассвета и почти до позднего вечера трудилась и мама. Мама, бывало, посмотрит на нас, на своих и соседских ребят, и скажет:

— Счастлиное у вас детство, пострелы, не такое, как было у нас с отцом.

И задумается, и взгрустнет. А лицо у нее такое милое-милое, как на хорошей картине. Очень я люблю свою маму и всем, чего достиг, обязан ей».

В обстановке преданности труду, глубокого понимания своего патриотического долга, высоких моральных и нравственных устоев, чурющейся показных жестов любви, жила эта обыкновенная советская семья. С нее началась для Юры Родина. Отсюда он ушел в большую жизнь.

...Фотография 1949 года. Он в форме ремесленника, только что принят в Люберецкое училище по специальности формовщика-литейщика. Когда много лет спустя его спрашивали, почему он выбрал именно эту профессию, он неизменно отвечал:

— Меня предупредили о том, что это трудно. А я с малых лет питал неприязнь к безделью и любил среди множества дел выбирать самые сложные.

Еще одна страница жизни. Выписка из протокола №55 от 14 декабря 1949 года бюро Ухтомского горкома комсомола Московской области:

«Слушали: О приеме в члены ВЛКСМ тов. Гагарина Ю. А. Рекомендуют: Черунов, Новгородцев.

Постановили: Принять в члены ВЛКСМ тов. Гагарина Ю. А., 1934 года рождения, образование 6 классов, русского, ученика-литейщика».

Тогда ему было всего пятнадцать лет. Мальчишка, еще совсем ребенок, он писал в своем заявлении с обстоятельностью и убежденностью взрослого человека: «Не мыслю своей жизни без Ленинского комсомола». Так уже тогда он твердо определил свою живую причастность со всем лучшим в нашей жизни и свое место в передовой цепи нашей молодежи.

...А вот еще один групповой снимок. Размашистая надпись: «Саратовский индустриальный техникум. Выпуск 1955 года». Среди десятков молодых лиц видим лицо Юрия. Серьезно, пыливо смотрят на мир его глаза: что же ожидает его там, впереди — за горизонтом?

— Куда бы ни занесла нас судьба, — скажет он на выпускном вечере, выступая от имени всех своих товарищей, — мы будем честно, с полной отдачей, не жалея сил, трудиться на благо Родины.

«Не жалеть себя, обгонять время!» — таков был девиз молодежи сороковых и пятидесятых годов, молодежи трудных послевоенных лет. Юрий был верен ему. Занимаясь в техникуме, он одновременно окончил аэроклуб, «заболел» мечтой о небе. Потом — военное летное училище. Гагарин завершил учебу в нем с отличием. Командование предложило ему остаться здесь в должности летчика-инструктора.

— Нет, — говорит он, — хочу в строевую часть, туда, где наиболее трудно.

Как отличнику, ему предложили место в одной из парадных частей Киевского военного округа. Благоустроенный, утопающий в зелени гарнизон. Отдельные, со всеми удобствами квартиры для семейных, куда он сможет сразу забрать свою горячо любимую Валу. И снова он произносит убежденно:

— Прошу направить туда, где служить по-настоящему трудно.

Так он попал на отдаленный заполярный аэродром, в настоящее белое царство, открытое всем ветрам.

Отсюда — в отряд космонавтов.

Переход этот не был случайным, его определил не рок, не чья-то воля, а мечта и твердая убежденность самого Юрия Гагарина. Еще в аэроклубе он зачитывался произведениями Циолковского, великого мечтателя и мыслителя из Калуги. Еще в военном училище выступал перед своими товарищами на диспутах и научных вечерах, посвященных покорению Вселенной. Признавался своим самым близким друзьям:

— Скоро наступит время полета человека к звездам. Надо торопиться. Мы должны быть в полной готовности к этому часу.

...Еще один музейный стенд, и на нем в первый раз мы встречаемся с Валей — человеком, который навсегда стал для него самым близким и родным, стал любовью, другом, советчиком.

Валя... Валентина Ивановна. На фотографии она в белом халате медсестры. А рядом — в нарядном платье, задумчиво-строгая, удивительно красивая.

— Снималась для него специально, — говорит она нам, и чуть заметные слезинки блестят в печальных глазах.

С ее разрешения читаем сделанную на обороте надпись: «Юра, помни, что кузнецы нашего счастья — это мы сами. Перед судьбой не склоняй головы. Помни, что ожидание — это большое искусство. Храни это чувство для самой счастливой минуты. 9 марта 1957 года. Валя».

Читаем и перечитываем эти слова, начертанные задолго до того, как пришли к нему успех, признание и слава. Читаем и думаем: место им в хрестоматии, в учебниках для юношества, в истории.

В шестьдесят первом году Гагарину исполнилось двадцать семь лет. Он жил среди нас. Ходил по одним улицам с нами. Сидел с нами в театрах и кино. По воскресеньям, когда выпадало свободное время, катил в парке детскую коляску, в которой шурилась от солнца его вторая дочурка Галочка (Лена уже подросла и играла где-нибудь рядом). Он ходил в гости к друзьям, но больше всего — работал.

Никто из нас по-настоящему не знал, какая у него служба. Он был человеком, который готовился к подвигу, который добровольно шел навстречу огромному риску, навстречу неведанному, загадочному, почти фантастическому.

Еще на рассвете 12 апреля его знал ограниченный круг людей — родные и близкие, товарищи по работе, непосредственные началь-

ники. К полудню его имя стало знакомым, близким, родным для всей нашей планеты.

Да, среди наших современников не было человека, которого бы так хорошо знали и так искренне любили во всех уголках земного шара.

Портреты Юрия Гагарина висели в землянках солдат народной армии сражающегося Вьетнама и в домах докеров Лондона, в самых фешенебельных гостиницах Нью-Йорка и в занесенных снегом домиках полярных зимовщиков. В одном из своих очерков лауреат Ленинской премии Эдуардас Межелайтис рассказал, как в Дели он присутствовал на фестивале индийской поэзии, посвященном Юрию Гагарину. Здесь он услышал прекрасные поэмы, стихи, оды... Они были разные, но говорили об одном: о молодом человеке из России, прославившем свою страну и сделавшем так много для всего человечества.

Его именем называли цветы. В Москву Гагарину пришла посылка. В ней оказались тюльпаны и письма на голландском и русском языках. «Высокоуважаемый господин Гагарин! Позвольте мне, голландскому специалисту по выведению новых сортов тюльпанов, иметь удовольствие поздравить Вас с Вашим удачным полетом в космос. Сообщаю Вам, что в знак нашего восхищения в Голландии Вашим полетом мы дали одному из новейших сортов наших тюльпанов Ваше имя. Д. В. Лефевр Лиссе, Голландия, апрель 1961 года».

Письма, письма, письма. За этими бесценными человеческими документами встает все кипучее многообразие жизни планеты, вся любовь и восхищение человечества, вся сложность раздирающих его социальных бурь.

«Товарищу Юрию Алексеевичу Гагарину. Я вынужден был проехать 300 километров и переправиться в соседнюю страну, Францию, чтобы получить возможность послать тебе это письмо с поздравлениями от имени Леридской организации Коммунистической партии Испании.

Я уверен, товарищ Юрий, что если бы все испанские рабочие смогли воспользоваться тою же возможностью, что и я, то ты получил бы 10 000 000 таких писем.

Да здравствует Коммунистическая партия!

Да здравствует СССР!

М.П. С., Лерида, Испания».

А вот весточка из далекого японского города Хиросимы, испытавшего на себе кошмар и ужас американской атомной бомбардировки. Текст письма, как и многие другие цитируемые нами документы, приводятся впервые, и я хочу, чтобы вы обратили на него свое внимание.

«Я родился в трагические дни августа сорок пятого и то, что выжил, — уже чудо. Американцы принесли моему городу, моему народу большое горе, и именно поэтому я вдвойне счастлив, что первый корабль и первый человек в космосе — русские. Ваша страна всегда стояла за мир, и поэтому мы питаем к ней самые глу-

бокие симпатии. Примите, господин Гагарин, признание в любви и низжайший поклон от меня лично и от десятков тысяч моих восхищенных Вами соотечественников. Иошинори Сакаи».

Конечно, необходимо добавить, что через три года именно этому благородному юноше была доверена честь принять факел с олимпийским огнем и «пересадить» его в огромную чашу над главным стадионом Токио, где состоялось торжественное открытие Игр XVIII Олимпиады.

На следующем конверте почтовый штемпель французского города Нант.

«Дорогой Юрий! Мой брат сражался на советско-германском фронте в составе эскадрильи «Нормандия — Неман» и погиб в неравном бою с фашистами. С тех пор нам навсегда стала родной русская земля, а русских летчиков мы считаем своими родными братьями. И Вас — лучшего и храбрейшего из них — мы обнимаем и благословляем на новые подвиги. Анна-Мария Фонтен, 21 год».

В бесконечном потоке писем, которые шли в его адрес со всех континентов, было немало написанных прославленными олимпийскими чемпионами и многими другими героями мирового спорта.

В 1936 году в фашистском Берлине вопреки сопротивлению прогрессивной мировой общественности был поднят флаг очередной Олимпиады. Нацистские газеты писали, предрекая торжество «арийских» рас спортсменов. Но главным героем этой Олимпиады стал негритянский атлет из США Джесси Оуэнс. Четыре золотые медали, четыре олимпийских рекорда в легкой атлетике, один из них мировой — вес его подвига.

И вот спустя четверть века после своего величайшего спортивного триумфа замечательный спортсмен обращается с письмом к Юрию Алексеевичу.

«Уважаемый господин Гагарин, — говорилось в нем, — скажу без лишней скромности, что мне, как олимпийскому чемпиону и рекордсмену мира, особенно понятно величие человека, совершающего то, что до него никто из людей не совершал. Поэтому я считаю своим долгом поздравить Вас, открывшего счет космическим рекордам человечества.

То, что это сделал гражданин Страны Советов — не случайно. Я давно уже слежу за успехами вашего спорта и восхищаюсь ими. Я видел в Мельбурне фантастический бег легендарного Владимира Куца, а потом беседовал с этим обаятельным человеком. И знаете, Вы чем-то напоминаете мне его. Очень напоминаете.

От души желаю Вам, господин Гагарин, новых успехов в Вашем опасном, нужном деле и большого личного счастья. Джесси Оуэнс. Кливленд. Апрель 1961 года».

Есть в гагаринской почте письма, присланные мировым рекордсменом и олимпийским чемпионом в спринте Армином Хари из Западной Германии, футбольным магом бразильцем Пеле, «черной газелью» Вильмой Рудольф, покорившей олимпийский Рим и всю планету своим изумительным по красоте бегом и выдающимися результатами, легендарным американским тяжелоатлетом японского

происхождения Томми Коно... И в каждом из этих посланий не только добрые слова, но и профессиональное восхищение людей, знающих цену упорной тренировке, цену труду первопроходцев.

К Юрию Гагарину тянулись руки миллионов, и миллионы, десятки и сотни миллионов людей, живущих в самых различных уголках земного шара, говорящих на самых различных языках, одинаково искренне и сильно любили его.

Объясняя это чувство всеобщего обожания, нередко говорили: «Он удивительно молод... Он очень симпатичен... У него такая обаятельная улыбка».

Все это соответствовало действительности, но этого недостаточно, чтобы заслужить всеобщее поклонение. Люди любили его как провозвестника будущего, как разведчика, вернувшегося из опасного поиска, в котором он открыл для человечества новые пути к познанию. Люди любили его, как любят литературный образ, в котором писателю удалось собрать все лучшие черты своего народа. Он, годящийся во внуки красногвардейцам, штурмовавшим в семнадцатом Зимний, олицетворял для планеты страну Октября и победившую революцию. Он, семилетним мальчишкой изгнанный гитлеровцами из родной избы, олицетворял в глазах всех землян страну и народ, внесших решающий вклад в Победу над фашизмом. Он, первым поднявшийся в космос, олицетворял невиданный взлет России к высотам экономического и социального прогресса.

А для нас, соотечественников, это был родной, близкий человек. Даже те, кто ни разу в жизни не видели героя, называли его просто, сердечно, по-домашнему: Юра.

Я увидел его, как и многие другие, первый в своей жизни раз тогда, когда он в аэропорту «Внуково-2» вышел из самолета и, лихо сбжав по трапу, зашагал к правительственной трибуне размеренным шагом строевика, точно попадая в ритм давно знакомого марша:

Мы рождены, чтоб сказку
сделать былью...

Музыкальное сопровождение к его торжественному шествию было выбрано идеальное, с глубоким смыслом. Да, именно он оказался тем живым чародеем, который превратил веками передававшуюся из уст в уста сказку в реальность нашего бытия, в прекрасную быль.

Когда Гагарин ехал по Москве, ее улицы и проспекты, ее вместительные площади были так запружены народом, что буквально яблоку негде было упасть. И всюду — ликование и веселье, всюду песни и радостные возгласы, сердечные объятия, словно вернулся к нам из далекого мая День Победы. Да это и впрямь был день нашей Победы, день величия нашей Родины, стоящей во главе современного технического прогресса, воспитывающей великих героев.

— Вот он — живой, здоровый, едет, машет...

— Вот, оказывается, что мы можем...

— Не говори! Нет на свете дела, которое мы бы не осилили!

— Эх, корабль «Восток»! Знать, бойкий народ выдумал тебя!

Такие и подобные им разговоры возникали то здесь, то там. И чувствовалось: мы все стали в то памятное утро более гордыми за свою принадлежность к человеческому званию, к своей стране и народу.

Облетев земной шар на корабле-спутнике «Восток», Юрий Гагарин совершил несколько кругосветных путешествий по странам мира. Работая над этой книгой, пришлось еще и еще раз перебрать многие десятки фотографий, запечатлевших его во Франции и Японии, на Кубе и в Польше, в знойной Либерии и сверкающей гладью своих знаменитых озер Швейцарии, в огнедышащей Бразилии и окутанной туманами Балтики Швеции, в чопорной Англии и веселой, искрометной Болгарии. Его с одинаковым радушием принимали президенты и премьер-министры, короли и великие князья, докеры и шахтеры, ученые и военные летчики, студенты прославленных на весь мир университетов и старейшины африканских селений. Он был со всеми одинаково приветлив, прост, дружелюбен — этот признанный народами «посол мира».

Год 1962-й. Всемирный фестиваль молодежи в Хельсинки. Юрий Гагарин — его почетный гость. За несколько дней — сотни встреч, десятки речей.

— Очень трудная и очень приятная работа, — говорил он об этой своей миссии.

Действительно, это была очень своеобразная, важная для всех нас «дипломатическая» работа первого в истории человечества космонавта. Никто так хорошо, как он, не умел завязывать узелки дружбы, соединять мысли и сердца людей. Его обворожительная улыбка, его удивительная доброжелательность объединяли людей самых разных стран, самых различных убеждений и делали их большими друзьями. И еще в большей степени убеждали его страстные, от сердца идущие выступления.

Вот одно из них, записанное на магнитофонную пленку:

«Дорогие друзья, я хочу говорить о мире на земле. Потому что я видел, как она красива вся: все ее океаны и материки, густонаселенные города и ждущие своего часа пустыни... Оттуда, из космоса, неразличимы государственные границы. Оттуда планета наша видится просто одним большим и прекрасным человеческим домом, и все честные люди ответственны за мир и порядок в нем».

Одна из последних поездок — с делегацией ЦК ВЛКСМ — в Париж. Дворец спорта столицы, вмещающий более двух десятков тысяч зрителей, был заполнен до отказа. Появился Гагарин. Полчаса молодые французы, юноши и девушки, скандировали его имя, не давали говорить.

— До-ро-гой Ю-ра!

— Га-га-рин, сла-ва!

— Па-риж — Мос-ква, друж-ба! — неслоь со всех сторон на ломаном русском языке.

Он успокаивал зал и смотрел в толпу, одаривая пришедших послушать его своей обаятельной улыбкой. А потом первый космонавт

земли начал говорить. Вздвинуто, страстно рассказывал он о своей стране, увлеченной мирным трудом, о ее молодежи, о славном Ленинском комсомоле. В зале, где еще недавно бушевала буря страстей, стояла поразительная тишина: боялись пропустить хоть одно его слово. А на следующий день газета французской комсомольи «Авангард» опубликовала пространный отчет об этой встрече под огромным заголовком: «Слушай юность Франции — говорит комсомолец номер один Советского Союза».

Тут, вероятно, самое время перейти к разговору о его принадлежности к нашему отряду юных ленинцев. Когда он, облетев вокруг земного шара, вернулся на землю, когда получил возможность уйти от самых неотложных дел, от подготовки официальных отчетов, один из его первых визитов был во всесоюзный штаб Ленинского комсомола. Здесь в торжественной обстановке ему был вручен почетный значок «За отличную работу в комсомоле». Юрий Алексеевич широко улыбался, смущенно повторяя:

— Надо теперь оправдывать. Еще хлопот прибавится, но — надо!

Может быть, кому-нибудь тогда показалось, что это произносится ради порядка, для поддержания ритуала, но Гагарин в дальнейшем доказал всю серьезность и правдивость своих слов. Он ничего не забыл. И выполнял свое обещание с такой же преданностью и серьезностью, с какими выполнял любое дело, выпавшее на его долю.

Более всех других наших космонавтов, даже тех, кто был моложе да и посвободнее его, был Юрий Алексеевич связан со всей советской молодежью, с комсомолом. В здании ЦК ВЛКСМ, у Ильинских ворот, он оказывался часто и отнюдь не был здесь просто желанным гостем, хотя каждое его посещение и вызывало у всех работавших здесь искреннюю радость. Но Гагарину откровенно были чужды бесцельные посиделки и визиты вежливости. Он приходил сюда часто, но как друг, советчик, помощник, член Центрального Комитета ВЛКСМ, активно участвующий в его работе.

Недавно мне довелось прочитать интересную работу молодого ученого-социолога Владимира Соловьева «Юрий Гагарин и комсомол». Цифры и факты, приведенные в ней, вызывают подлинное восхищение. За свою, увы, недолгую жизнь первый космонавт планеты участвовал в работе трех съездов комсомола и выступал с их трибуны, принял участие в 60 заседаниях Центрального Комитета ВЛКСМ, был на многих конференциях, слетах, встречах, открытых собраниях. Сохранились многие протоколы с его выступлениями, замечаниями по выступлениям других товарищей, предложениями, критикой.

Можно бы все это подсчитать. Получилась бы внушительная цифра, в которую сразу и не поверишь. Впрочем, разве дело в количестве? Разве забудут его парни и девчата Москвы, Ленинграда, Ташкента, Комсомольска-на-Амуре, Киева, Гжатска, Смоленска, Минска, перед которыми он выступал? Он не был почетным дарителем автографов на всех этих встречах со своими сверстниками и соотечественниками. Он был советчиком, учителем, товарищем.

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу Вы можете почитать в Оренбургской областной универсальной научной библиотеке им. Н.К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 77-92-66